

народов Европы и Советского Союза получили определение «коричневой чумы», вызывая тем самым психологическое неприятие этого символа. В заключение можно сказать, что цвет оказывает на человека давление через выражение собственной сущности. Собственное особенное отношение к цвету определяется субъективным содержанием душевной жизни, симпатиями и антипатиями. Но при этом надо иметь в виду, что цвет обладает индивидуальностью в той мере, в какой им обладают наши архетипы.

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря // Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Сов. Писатель, 1990. С. 253.
2. Серов Н.В. Цвет культуры: психология культурология физиология.-Спб. :Речь. 2004 – С. 13-20. С 557.
3. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики М.: Международные отношения, 1995. С. 392.
4. Там же с.405.
5. Серов Н.В. Цвет культуры: психология культурология физиология. С 93.

Д. А. Максимов

СОБЛАЗНЫ ДИСКУРСА ПРОТЕСТА

Максимов
Дмитрий Аркадьевич

аспирант Института философии и
права УрО РАН

Протестное поведение не имеет и не может иметь четкого теоретического и институционального основания. Дискурс протеста как таковой, если он не является инструментом во взаимодействии политических сил, свободен от идеологических границ. Протестное мышление – это явление социокультурного порядка, историческая и политическая роль которого – факторы второстепенные. Протест – это деривационная категория конфликтологии, имеющая свое отражение также в социальной психологии, социальной философии, этике и ряде других гуманитарных дисциплин.

В широком смысле протестный дискурс – это явление антропологического характера, поскольку он может незримо влиять на сознание человека, противопоставляя его внешним факторам политического, экономического, социального и культурного порядка; протест определяет превосходство «я» над окружающим миром; протест обуславливает в той или иной степени модель поведения человека.

В политологическом контексте протест можно рассматривать как универсальную категорию, которая проявляется во взаимодействии политических субъектов, служит формой политического участия и выражения общественного мнения. Феномен протеста является элементом такой политической картины, где ключевую роль приобретает именно отношение к политическим решениям и действиям. «В течение трех последних десятилетий в западной социологии и политологии резко возрос интерес к неинституционализированной политике, вызванный как широким распространением в стабильных демократиях так называемых новых общественных движений, так и возросшим вниманием к перспективам политического развития модернизирующихся стран. Формирование новой области знания - исследований общественных движений и связанного с ними феномена протеста - сопровождалось бурными теоретическими дебатами, нашедшими отражение в ряде парадигматических

сдвигов в объяснительных моделях»¹.

Действительно, в исследовании общественных движений и феномена протеста следует, прежде всего, сослаться на возможную смену парадигм образа мышления как минимум на двух уровнях – национальном и мировом. Без признания изменений в познавательных характеристиках сообщества на данном временном отрезке говорить о последовательной эволюции протестного дискурса как формы выражения общественного мнения не допустимо. Для того чтобы адекватно показать трансформацию мировосприятия современного человека, необходимо обозначить специфические черты и особенности новой картины глобального мира.

Однако философия протеста подразумевает наличие исходных положений и концептуальных оснований, существующих вне зависимости от времени и пространства. В данном случае протест есть не что иное, как продукт сознания и мыслительной деятельности человека. Народничество, антисистемный протест 1960-х, выступления антиглобалистов и другие примеры социально-политической активности можно проанализировать, исходя из общих оснований. Альбер Камю, размышляя над причинами исторического или метафизического протеста, говорил: «Бунт порождается осознанием увиденной бессмысленности, осознанием непонятного и несправедливого удела человеческого. Однако слепой мятежный порыв требует порядка среди хаоса... Цель бунта – преображение. ... Человек – единственное существо, которое отказывается быть тем, что оно есть»². В данной работе под общими основаниями протеста будет пониматься метафизическая природа бунта, который для удобства можно назвать отрицанием. Тем не менее, в отличие от классической интерпретации эгоистического нигилизма это отрицание несет позитивный целеполагающий характер. Инициатива несогласия подразумевает наличие противоречия, которое следует разрешить. В этом кроется и диалектическая природа «мятежного порыва», берущая свое начало в сознании. Сознание диктует пределы границы, в которых может сохраняться противоречие, так или иначе подавляющее и игнорирующее индивидуальность человека - все то, что он хочет сберечь в себе самом и окружающем мире. Иными словами, стремление к бунту – само существо протеста – это попытка и желание суждения. В конструктивном протесте кроется стремление к критическому отношению к миру. «... Порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как просто нестерпимое, и в смутной убежденности бунтаря в своей доброй

воле, а вернее, в его впечатлении, что он «вправе делать то-то и то-то». Бунт не происходит, если нет такого чувства правоты... Сознание рождается у него [раба] вместе с бунтом»³. Вместе с рождением сознания формируется и ценностное отношение к объекту протеста и окружающему миру в целом. Противоречие в форме «всевозможного гнета» и иных дестабилизирующих обстоятельств как бы наступает на границы терпимости человека и вызывает на начальном этапе элементарное отторжение, схожее по смыслу с реакцией «Хватит!». Практически сразу же это отторжение перерастает в осознание непримиримости с «унизительным порядком». Непримиримость, в свою очередь, вызывает ощущение идентичности со стороной, отрицающей данный порядок, - то есть, с сопротивлением. Сопротивление подразумевает уже не просто отрицание внешних угнетающих факторов, но и несогласие с самим порядком, вызывающим эти факторы. Как только установленный ранее «неподходящий» порядок осознается как объект протеста или сопротивления, он становится предметом противоречия, принесшего конфликт. Сопротивляющаяся сторона начинает защищать свои права, отождествляет их с собственной ценностью и значимостью, а также осознанно противопоставляет себя тому порядку, в котором эти права соблюдаться не могли. Пусть ценность еще остается неясной, но когда бунтующий человек ценит защищаемое им право выше, чем самого себя, он интуитивно верит в нечто «устойчиво постоянное, достойное, чтобы его сберечь». «...Утверждение, присущее любому мятежному действию, простирается на нечто, превосходящее индивида в той мере, в какой это нечто избавляет его от предполагаемого одиночества и дает ему основание действовать»⁴. Мы можем утверждать, что ощущение ценности делает ее как бы предсуществующей, требующей объяснительного выражения, но, несомненно, предполагающей разрешение конфликта и уважение к естественному человеческому сообществу, с которым отождествляет себя бунтующий человек. Таким образом, речь идет, во-первых, об обоснованности и конструктивной направленности протеста, а во-вторых, о солидарности как о важнейшей характеристике протеста. Под конструктивной направленностью автор данной работы понимает стремление к «священному» разумному человеческому порядку – стремление к некоему универсуму, идеальному состоянию. Может ли протест, в данном случае, бунт потенциально привести к установлению заведомо несправедливого порядка, вспоминая опыты революций? На самом деле бунт есть лишь движение от индивидуального опыта к идее, в то время как революция начинается с идеи.

Важно ответить на следующий вопрос: «В чем же заключается противоречие, против которого направлен протест?». Вне зависимости от области конфликта и его широты, данное противоречие подразумевает противоположность

провозглашенного реальному (фактическому). Этим объясняется то, что феномен протестного мышления и особенного его дискурсного выражения характерен традиционному обществу западного типа, нежели ориентального. На Западе представления человека о свободе развивались намного быстрее, чем фактическая свобода. На Востоке же практически отсутствует традиция сомнения в авторитете и абсолютной непогрешимости власти. Система восточных отношений предполагает наличие данных раз и навсегда ответов на все возможные вопросы. Например, Камю говорит, что «бунтарский дух может возникнуть только в тех социальных группах, где теоретическое равенство скрывает огромные фактические неравенства»⁵. Опять же в менталитете восточного человека заложено признание неоспоримости и высшего назначения господства и иерархии.

Несмотря на то, в какой области общественно-политической и экономической жизни общества называют конфликты - будь то социальное и экономическое неравенство, ограничение свобод и прав индивида, экологические проблемы и т.д. – смысл заключается в кризисных состояниях постиндустриального общества. Противоречия, развивающиеся в этих состояниях, вызваны «углублением социального разделения», несоответствием теоретических конструкций их практическому воплощению. Современное западное общество находится в замкнутом круге: необходимость сохранить достигнутые позиции обязывает к консервации парадоксальных моментов.

Соответственно, протестный дискурс – пока существует противоречие, – потенциально возможен и актуален, поскольку он идет от индивидуального опыта и напрямую связан с выражением критической позиции индивида. Ценностная сторона протеста заключается не столько в устранении каких-либо различий или несоответствий социального характера, а в стремлении к гражданскому участию. Ральф Дарендорф, описывая современный социальный конфликт, заметил, что «он связан с действием неравенства, ограничивающего полноту гражданского участия людей социальными, экономическими и политическими средствами. Речь, таким образом, идет о правах, реализующих положение гражданина как статус»⁶. Хотя, конечно, вопрос реализации гражданских прав – это тема иного характера.

1. Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998, том 1, выпуск 4. Стр. 42.

2. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. Стр. 126.

3. Там же. Стр. 128.

4. Там же. Стр. 129.

5. Там же. Стр. 132.

6. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. Стр. 55.